

ОХОТНИЦА НА ПЕЧАТИ



АВТОР ЗАЛЕВСКАЯ АННА

Анна Залевская

Охотница на Печати

«Автор»

2026

Залевская А.

Охотница на Печати / А. Залевская — «Автор», 2026

Рейн охотилась на Меченых шесть лет и никогда не ошибалась в выборе контракта. Пока не открыла конверт без герба. Задание казалось обычным: найти самого опасного Меченого. Но он оказался не тем, кого она ожидала.

Чем глубже Рейн погружается в расследование, тем больше понимает: её использовали как живой маяк. Контракт был ловушкой. А тайна, которую она хранила восемь лет, что она сама несёт в себе нечто большее, чем обычная Печать, может изменить всё. Теперь за ними охотится Дом Надзора. Таинственный Нулевой отдел, который собирает особых носителей для целей, о которых страшно думать. У Рейн и Кэйна есть несколько недель. Союзники. И резонанс между ними, который давно перестал быть просто магией.

© Залевская А., 2026

© Автор, 2026

Анна Залевская

Охотница на Печати

Охотница на Печати

Пролог

Рейн почувствовала его за три квартала. Не запах, не звук, толчок вдоль позвоночника, от основания черепа до копчика, как будто кто-то провёл раскалённой монетой по коже изнутри. Она остановилась посреди рынка, зажмурилась на секунду и выдохнула сквозь зубы. Сильный. Очень сильный. Она открыла глаза. Рынок Пятого Пояса жил своей обычной грязной жизнью. Крики торговцев, запах жареного мяса и мокрой шерсти, дети, снующие под ногами. Никто не смотрел в её сторону. Хорошо. Рейн поправила куртку, скрывавшую перевязь с ножами, и пошла на сигнал. Три квартала. Потом два. Жжение становилось острее с каждым шагом. Уже не монета, уже что-то похожее на ожог, расплзающийся по рёбрам. Она не понимала, почему так сильно. Обычно даже мощные Меченые давали ощущение на уровне тихого зуда. Этот был как пожар в закрытой комнате.

Контракт сказал: осторожно. Контракт сказал: не приближаться без подготовки. Рейн не любила слушать контракты. Она завернула за угол и увидела его. Он стоял у стены полуразрушенного склада, прислонившись плечом к кирпичу, и смотрел на свои руки. Просто смотрел. Высокий, тёмная куртка с поднятым воротом, волосы мокрые, недавно был под дождём. На вид обычный человек, каких здесь сотни. Но Печати не обманывают. На его ладонях светились узоры. Едва заметно, не ярче тлеющих углей, но Рейн видела. Узор уходил выше, под манжеты, и она могла только догадываться, насколько далеко. Она сделала шаг. Он поднял голову. Их взгляды встретились и жжение вдоль позвоночника мгновенно превратилось в нечто совершенно другое. Не боль. Хуже боли. Рейн успела подумать, что это неправильно, что так не бывает, что она никогда раньше, а потом он сказал:

— Ты охотница. - Не вопрос. Утверждение.

— Была, — ответила она, не двигаясь с места. — Сейчас думаю. Что-то похожее на интерес мелькнуло в его глазах. Тёмных, очень тёмных — и Рейн заметила, что по краям радужки тянется едва различимая светящаяся кайма. Ранняя стадия Истирания. Значит, он использует силу часто и много.

— О чём думаешь?

— О том, что меня наняли тебя найти, — сказала она — И о том, что я понятия не имею, кто именно меня нанял.

Пауза.

— И это тебя останавливает?

— Это меня *раздражает*, — поправила Рейн. — Разные вещи.

Он оттолкнулся от стены. Медленно, без резких движений, но она всё равно напряглась, рука сама потянулась к ножу. Он это заметил. Остановился.

— Ты чувствуешь резонанс, — сказал он тихо. Не вопрос. — Я вижу по тому, как ты стоишь.

Рейн не ответила.

— Я тоже чувствую, — добавил он. — Это... нехарактерно.

— Знаю.

— Ты Меченая.

— Наблюдательно.

— Тогда ты понимаешь, — он говорил ровно, почти спокойно, но пальцы у него были сжаты, она видела, — что человек, который тебя нанял найти *меня*, нанял Меченую не случайно. Он знал про резонанс. Он знал, что ты почувствуешь меня быстрее любого обычного охотника.

Рейн молчала. Потому что он был прав, и это было очень неприятно.

— Он использовал тебя как живой маяк, — сказал Кэйн. — И ты пришла.

— Я пришла посмотреть, — сказала она наконец. — Не сдать.

Долгая пауза. Он изучал её лицо, внимательно, без спешки, и Рейн не отводила взгляд, хотя жжение в позвоночнике к этому моменту стало почти невыносимым просто от того, что он стоял в семи шагах от неё.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Что хорошо?

— Что посмотреть. — Он чуть качнул головой в сторону переулка за складом. — Тогда пойдём. Те, кто тебя нанял, уже знают, что ты меня нашла. У нас минут десять, не больше.

Рейн смотрела на него три секунды.

Потом пошла следом.

Позвочник горел всю дорогу.

Глава 1. Живой маяк

Контракт пришёл ночью.

Не через обычные каналы, не через доску заказов в «Кривом якоре», не через посредника с жирными пальцами и привычкой смотреть в декольте вместо глаз. Этот лежал прямо на подоконнике, когда Рейн вернулась с предыдущего задания. Аккуратный конверт из серой бумаги, запечатанный чёрным воском без герба. Просто вмятина от большого пальца. Чей-то личный знак.

Она не взяла его сразу.

Сначала прошла по периметру комнаты, проверила все три ловушки у двери, нетронуты, потом окно, потом узкий простенок за шкафом, где помещался человек, если очень постарается. Пусто. Только конверт на подоконнике и ночной Пятый Пояс за стеклом. Огни, крики, запах жжёного масла и чьей-то несвежей жизни.

Пятый Пояс. Четвёртое из семи колец, если считать от края. Срединный мир — не нищета Шестого и Седьмого, где люди жили впритык к земле и друг к другу, но и не показная чистота Второго и Первого, где Дом Надзора держал офисы с мраморными порогами и стеклянными вывесками. Пятый был рабочим, шумным, равнодушным к чужим делам. Именно поэтому Рейн жила здесь уже четыре года.

Она взяла конверт. Вскрыла ножом. Прочитала.

Потом прочитала ещё раз.

Внутри был один лист. Имя — **Кэйн**. Никакой фамилии, только имя, но в определённых кругах этого было достаточно. Ниже короткое описание: рост, телосложение, последнее известное местонахождение в районе портовых складов Пятого Пояса. Ещё ниже сумма, от которой у Рейн слегка потемнело в глазах. Не от жадности. От понимания, что такие деньги платят только в одном случае: когда цель либо невероятно ценна, либо невероятно опасна. Обычно и то, и другое.

В самом низу листа, мелким аккуратным почерком: *Осторожно. Не приближаться без подготовки. Живым.*

Живым. Значит, не ликвидация, захват. Это меняло расчёт. Немного, но меняло.

Рейн сложила лист, убрала в куртку, легла спать.

Утром она начала собирать информацию.

Имя Кэйна всплывало в разговорах так, как всплывают имена людей, которых боятся вскользь, с паузой после, с привычкой смотреть через плечо. В «Кривом якоре» старый Питт, который знал всех и каждого в трёх Поясах, при звуке этого имени вдруг обнаружил срочные дела на другом конце стойки. Девчонка-информатор с Нижних доков, обычно болтливая как рыночный торговец, покачала головой и вернула монету. Даже Сэфа, бывшая охотница, которая видела всякое и давно разучилась пугаться, просто сказала: *не берись*, и отвернулась.

Рейн взялась.

Не потому что была глупее остальных. Не потому что сумма в конверте затуманила разум. Просто она давно поняла одну вещь: репутация, которую люди строят вокруг чужого имени, говорит больше о людях, чем о человеке. Страх плохой источник информации. Страх преувеличивает, упрощает, и никогда не объясняет *почему*.

А ей нужно было знать почему.

К вечеру первого дня она знала следующее: Кэйн появился в Пятом Поясе около трёх недель назад. До этого — во Втором, где оставил после себя разрушенное отделение Дома Надзора и несколько очень растерянных выживших. До Второго — Шестой, там история была туманнее, свидетели путались в показаниях и в основном описывали свет и грохот. Меченый, Печати на ладонях — это знали все. Что именно умеет знали меньше. Те, кто видели вблизи, предпочитали не рассказывать. Или не могли.

Меченый. Рейн произнесла это слово про себя без особых эмоций. Она произносила его часто, это была её работа. Находить Меченых, сдавать Меченых, получать деньги. Иногда не сдавать, если заказ казался сомнительным. Но находить всегда.

Тысячу лет назад с неба упала звезда. Не камень, не лёд. Что-то живое, из такого слоя реальности, для которого у людей не было названия. При столкновении с землёй она распалась на четыре тысячи девяносто шесть фрагментов, разлетевшихся по всем Семи Поясам. Каждый фрагмент нашёл носителя сам. Не по силе, не по происхождению, не по заслугам. По какому-то принципу, который никто так и не понял за тысячу лет. Младенцы получали Печати. Старики. Звери. Однажды, по легенде, старое дерево у кратера, хотя это Рейн всегда казалось сомнительным.

Печать вживлялась в тело физически: ожог, шрам, узор в форме, которую носитель не выбирал. Место на теле определяло характер силы. Руки — созидание или разрушение через прикосновение. Глаза — способность видеть скрытое. Горло — голос как оружие. Ноги — перемещение, пространство, скорость. Позвоночник — восприятие.

У Рейн Печать шла вдоль позвоночника от основания черепа до копчика, тонкая светящаяся линия, которую она видела только в зеркале и только при определённом свете. Она не разрушала и не создавала. Она чувствовала. Других Меченых как сигнал, как зуд, как ожог, в зависимости от силы носителя. Это делало её хорошим охотником. Это же делало её Меченой — уязвимой, если кто-то знал об этом достаточно.

Каждое использование Печати стоило своей платы. Не сразу, не резко, но Истирание шло у всех, у кого была Печать. Сначала уходили мелкие эмоции: лёгкая скука, ностальгия по запахам детства, раздражение от мелких неудобств. Потом крупнее. На поздних стадиях носитель всё ещё думал и действовал, но чувствовал всё меньше, кроме силы и тяги к ней. Таких называли Пустыми. Рейн видела Пустых дважды. Оба раза предпочла бы не видеть.

Она пользовалась Печатью экономно. Профессиональная привычка.

Живым, — значилось в конверте.

Рейн почистила ножи, проверила перевязи, поела без интереса и легла спать. Утром второго дня она вышла на рынок.

Пятый Пояс просыпался медленно и с трудом, как человек после дешёвого вина. Сначала звуки, потом запахи, потом мутная видимость происходящего. Рейн шла вдоль торговых рядов не спеша, с видом человека, у которого есть список покупок и умеренное раздражение от толпы. Никакого охотничьего взгляда, никакой напряжённой спины, она давно научилась выглядеть как фон.

Внутри же — работала.

Позвоночник у неё всегда чувствовал Меченых: слабый зуд на периферии, который мозг научился игнорировать, как игнорирует уличный шум. Сейчас тихо. Рынок был чист. Обычные люди, обычный шум, обычная жизнь Пятого Пояса во всей её некрасивой полноте.

Она дошла до конца первого ряда, свернула, прошла ещё квартал. Остановилась у лотка с сухофруктами, сделала вид, что выбирает. Купила горсть чего-то тёмного и сморщенного, убрала в карман, пошла дальше.

Ещё квартал.

Ещё.

Портовые склады были в двадцати минутах ходьбы от рынка, последнее известное местонахождение цели. Рейн прикинула маршруты, выбрала тот, который давал больше пространства для отступления, и двинулась.

Вот тогда это и случилось.

Рейн почувствовала его за три квартала.

Не запах, не звук, **толчок** вдоль позвоночника, от основания черепа до копчика, как будто кто-то провёл раскалённой монетой по коже изнутри. Она остановилась посреди рынка, зажмурилась на секунду и выдохнула сквозь зубы.

Сильный.

Очень сильный.

Она открыла глаза. Рынок жил своей обычной грязной жизнью, крики торговцев, запах жареного мяса и мокрой шерсти, дети, снующие под ногами. Никто не смотрел в её сторону. Рейн поправила куртку, скрывавшую перевязь с ножами, и пошла на сигнал.

Три квартала. Потом два. Жжение становилось острее с каждым шагом. Уже не монета, уже что-то похожее на ожог, расплзающийся по рёбрам. Она не понимала, почему так сильно. Обычно даже мощные Меченые давали ощущение на уровне тихого зуда. Этот был как пожар в закрытой комнате.

Контракт говорил: осторожно. Контракт говорил: не приближаться без подготовки.

Рейн не любила слушать контракты.

Она завернула за угол и увидела его.

Он стоял у стены полуразрушенного склада, прислонившись плечом к кирпичу, и смотрел на свои руки. Просто смотрел. Высокий, тёмная куртка с поднятым воротом, волосы мокрые, недавно был под дождём. На вид обычный человек, каких здесь сотни. Но Печати не обманывают.

На его ладонях светился узор.

Едва заметно, не ярче тлеющих углей, но Рейн видела. Узор расходился от центра к пальцам, как трещины в стекле или ветви зимнего дерева, и уходил выше, под манжеты. Она помнила из описания: Печати на ладонях означали силу через прикосновение. Разрушение или созидание. Судя по тому, что осталось от отделения Дома Надзора во Втором Поясе, — преимущественно первое.

Она сделала шаг.

Он поднял голову.

Их взгляды встретились и жжение вдоль позвоночника мгновенно превратилось в нечто совершенно другое. Не боль. Хуже боли. Это был резонанс — явление, о котором Рейн знала

теоретически и почти не встречала на практике: когда два фрагмента звезды оказывались достаточно близко, они реагировали друг на друга, как металл на магнит. Обычно это был лёгкий фоновый отклик, почти незаметный. Сейчас — Рейн успела подумать, что это неправильно, что так не бывает, что она никогда раньше, а потом он сказал:

— Ты охотница.

Не вопрос. Утверждение.

— Была, — ответила она, не двигаясь с места. — Сейчас думаю.

Что-то похожее на интерес мелькнуло в его глазах. Тёмных, очень тёмных — и Рейн заметила, что по краям радужки тянется едва различимая светящаяся кайма. Ранняя стадия Истирания. Значит, он использует силу часто и много — и давно перестал беречься.

— О чём думаешь?

— О том, что меня наняли тебя найти, — сказала она. — И о том, что я понятия не имею, кто именно меня нанял.

Пауза.

— И это тебя останавливает?

— Это меня *раздражает*, — поправила Рейн. — Разные вещи.

Он оттолкнулся от стены. Медленно, без резких движений, но она всё равно напряглась, рука сама потянулась к ножу. Он это заметил. Остановился.

— Ты чувствуешь резонанс, — сказал он тихо. Не вопрос. — Я вижу по тому, как ты стоишь.

Рейн не ответила.

— Я тоже чувствую, — добавил он. — Это... нехарактерно.

— Знаю.

— Ты Меченая.

— Наблюдательно.

— Тогда ты понимаешь, — он говорил ровно, почти спокойно, но пальцы у него были сжаты, — что человек, который тебя нанял найти меня, нанял Меченую не случайно. Он знал про резонанс. Он знал, что ты почувствуешь меня быстрее любого обычного охотника.

Рейн молчала. Потому что он был прав, и это было очень неприятно.

— Он использовал тебя как живой маяк, — сказал Кэйн. — И ты пришла.

— Я пришла посмотреть, — сказала она наконец. — Не сдать.

Долгая пауза. Он изучал её лицо внимательно, без спешки, и Рейн не отводила взгляд, хотя жжение в позвоночнике к этому моменту стало почти невыносимым просто от того, что он стоял в семи шагах от неё.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Что хорошо?

— Что посмотреть. — Он чуть качнул головой в сторону переулка за складом. — Тогда пойдём. Те, кто тебя нанял, уже знают, что ты меня нашла. У нас минут десять, не больше.

Рейн смотрела на него три секунды.

Потом пошла следом.

Позвоночник горел всю дорогу.

Переулок за складом вёл в лабиринт портовых задворков, узкие проходы между стенами, запах соли и гнилого дерева, под ногами мокрая брусчатка. Кэйн шёл быстро, но не бежал. Уверенно, как человек, который заранее изучил маршрут. Рейн держала дистанцию в три шага и следила за его руками.

Ладони он спрятал в карманы. Свечение погасло или просто стало незаметным при тусклом свете переулка. Она помнила, что Печати на ладонях активировались через *намерение*.

Просто убрать руки в карманы было достаточно, чтобы снизить риск. Маленький жест, много говорящий о привычках.

— Куда мы идём? — спросила она.

— Подальше от рынка.

— Конкретнее.

— Есть место. Доки, старый квартал. Там никто не ищет.

— Ты там живёшь?

— Я нигде не живу, — сказал он ровно. — Я нахожусь.

Рейн обдумала это. Потом обдумала другое. То, что она сейчас делала: шла следом за самым разыскиваемым Меченым в трёх Поясах по тёмному переулку, с горящим позвоночником и без чёткого плана. Профессионально. Блестяще.

Но что-то удерживало её от того, чтобы остановиться.

Они вышли на набережную старого квартала. Здесь было почти тихо: заброшенные причалы, облезлые фасады, пара рыбаков в отдалении, которым не было дела ни до чего, кроме собственных сетей. Кэйн свернул к одному из строений, приземистый склад, дверь без замка, только засов изнутри и толкнул её плечом.

Внутри пахло рыбой, пылью и чем-то металлическим. Вдоль стен стояли пустые ящики, в углу старая бочка с дождевой водой, узкое окно под потолком пропускало мутный дневной свет.

Кэйн остановился посреди комнаты и обернулся.

При дневном свете он выглядел иначе, не менее опасным, но как-то более *реальным*. Усталым, может быть. Светящаяся кайма в глазах была заметнее здесь. Тонкая полоса, стабильная, не пульсирующая. Не использует силу прямо сейчас. Это немного успокаивало.

— Ты хочешь знать, почему тебя использовали, — сказал он.

— Я хочу знать много чего. Начнём с простого: кто за тобой охотится, кроме меня?

— Дом Надзора. — Пауза. — И те, кто нанял тебя. Это разные люди, но цель у них одна.

— Ты.

— Не я. — Он достал руки из карманов. При дневном свете узор на ладонях был виден отчётливо — сложная структура, расходящаяся от центра к пальцам. — Моя Печать. Меня можно убить. Печать нельзя. Её можно только забрать, и только определённым способом.

— Каким?

Он посмотрел на неё долго.

— Ты задаёшь много вопросов для человека, который пришёл посмотреть.

— Я смотрю. Смотреть — не значит молчать.

Тень чего-то живого прошла по его лицу.

— Дом Надзора собирает Осколочных. Знаешь, что это?

— Меченые первой волны, — сказала Рейн. — Фрагменты, упавшие раньше остальных. Их восемь.

— Верно. — Он чуть наклонил голову. — Я один из восьми. Осколочные фрагменты вобрали в себя что-то от самой звезды — не только силу, что-то глубже. Дом хочет что-то от нас всех в одном месте одновременно. Что произойдёт, если они это получат... Они думают, что знают. Я думаю, что они ошибаются. И эта ошибка будет стоить очень дорого.

Рейн молчала, обрабатывая информацию.

— А тот, кто нанял меня?

— Тот, кто нанял тебя, тоже хочет восьмерых вместе. По другим причинам, другими методами. Например, Меченых-охотников как живые маяки.

— Ты знаешь, кто это.

— У меня есть сильное предположение. — Он смотрел прямо, без обиняков. — Мне нужен человек, который чувствует Меченых на расстоянии. Чтобы найти остальных раньше, чем их найдёт Дом.

Рейн подняла брови.

— Ты предлагаешь мне работу.

— Я предлагаю тебе выбор. Ты можешь уйти сейчас, через эту дверь. Я не остановлю.

Пауза. — Но тот, кто нанял тебя, знает твоё лицо, твою Печать и знает, что ты меня нашла. Ты думаешь, он просто забудет?

Молчание.

За окном под потолком каркнула птица. Рейн смотрела на Кэйна и думала о конверте без герба, о сумме, о Питте, который отвернулся, о Сэфе, которая сказала *не берись* и не объяснила почему. О жжении вдоль позвоночника, которое до сих пор не утихло. О светящейся кайме по краям его радужки и о том, что Истирание не останавливается. Никогда не останавливается.

— Если я соглашусь, — сказала она наконец, — у нас будут правила.

— Какие?

— Мои. Озвучу по ходу.

Он кивнул — коротко.

— И ещё одно. Я хочу знать всё. Не части. Не то, что ты решишь мне сказать. Всё.

— Это займёт время.

— Начни с самого важного.

И снова то, что не было улыбкой, но было чем-то живым.

— Садись, — сказал Кэйн. — Это долгая история.

Рейн не села. Осталась стоять у стены, лицом к нему, с обзором на дверь.

Но слушала.

Позвоночник горел ещё долго после того, как он замолчал.

Глава 2. Красилья

Они шли до красильни сорок минут.

Кэйн выбирал маршрут так, как выбирают люди, привыкшие к тому, что за ними следят, никогда прямо, всегда с запасным выходом, через места, где толпа достаточно густая, чтобы потеряться, но достаточно редкая, чтобы видеть угрозу заранее. Рейн шла следом и отмечала это молча. Профессионал. Не солдат, у солдат другая походка, более прямая, более заученная. Этот двигался как человек, которого никто не учил, просто выжил достаточно раз, чтобы тело само запомнило.

Она изучала его со спины, благо он не оборачивался.

Высокий, широкие плечи, но не громоздкий, скорее собранный, как что-то, в чём много силы и мало лишнего. Тёмные волосы, всё ещё влажные от недавнего дождя, чуть длиннее, чем практично, завитки на затылке, которые он, судя по всему, не замечал или не считал нужным замечать. Двигался ровно, без суеты. Куртка на нём была хорошая, не новая, но добротная, из плотной кожи с металлическими застёжками, такие носят люди, которым важна защита, а не вид. На правом плече едва заметный след от старого пореза на коже, зашитый аккуратно, но давно.

Рейн убрала наблюдения в ту часть головы, где хранилась рабочая информация, и продолжила идти.

Красильня обнаружилась в переулке между Четвёртым и Третьим кварталами портового района. Трёхэтажное строение с заколоченными окнами первого этажа и ржавой вывеской, на которой ещё угадывалось что-то про ткани. Дверь была заперта на засов снаружи — старый,

но крепкий. Кэйн достал из куртки ключ. Не взломал, не использовал Печать, просто открыл. Значит, готовился заранее. Значит, знал, что кто-то придёт.

Это следовало обдумать.

Внутри пахло индиго, старым деревом и сыростью. Запах брошенного производства, который не выветривается годами. Вдоль стен тянулись ряды металлических крюков, когда-то на них висели рулоны ткани, сейчас только пыль и темнота. На втором этаже, куда вела узкая деревянная лестница, было светлее: три высоких окна выходили во внутренний двор, и через немытые стёкла просачивался серый дневной свет, достаточно, чтобы видеть.

Кэйн поднялся первым. Рейн следом, держа руку у ножа.

На втором этаже было что-то вроде временного лагеря: свёрнутый плащ у стены, служащий подобием постели, небольшой узел с вещами, жестяная кружка. Аскетично. Человек, который не задерживается.

— Ты здесь давно? — спросила Рейн.

— Четыре дня.

— И уже уходишь.

— Уже ухожу, — подтвердил он. — С тех пор как ты меня нашла — точно.

Он снял куртку. Под ней оказалась простая тёмная рубашка с закатанными рукавами и Рейн увидела Печать полностью. Узор начинался на ладонях, поднимался по запястьям, расходился по предплечьям. Сложная структура, похожая на разряд молнии, застывший в коже. На сгибах локтей он становился гуще, темнее, уходил выше под рукав. Насколько далеко она не знала. Обширная Печать. Долгое Истирание.

— Садись, — сказал он. — Обещал рассказать.

— Обещал, — согласилась Рейн. И осталась стоять.

Он посмотрел на неё. Понял, что ждать бесполезно, и сел сам на подоконник, спиной к тусклому свету. Скрестил руки. Узор на них в этом положении был особенно заметен.

— Восемь Осколочных, — начал он. — Ты знаешь историю падения звезды?

— Достаточно.

— Тогда знаешь, что Первые Восемь фрагментов упали раньше остальных. За три дня до основной волны. Никто не понял почему. Одни говорят, звезда распадалась постепенно, другие — что это было намеренно. Пауза. — Эти восемь фрагментов несут в себе что-то другое. Не просто силу. Что-то от самой сути того, чем была звезда. Дом Надзора называет это Ядром. Я называю это проблемой.

— Потому что Дом хочет собрать все восемь.

— Потому что когда все восемь окажутся в одном месте одновременно, что-то произойдёт. — Он смотрел на неё ровно. — Дом думает, что это даст им оружие. Контроль. Способ управлять всеми Мечеными через Ядро. Я думаю, что они неправильно читают источники и получают нечто совершенно другое.

— Что именно?

— Не знаю, — сказал он просто. — В этом и проблема. Никто не знает. И именно поэтому я не хочу, чтобы Дом это проверил.

Рейн обдумала это. Подошла к окну рядом с ним, не вплотную, оставила расстояние и посмотрела во внутренний двор. Пусто. Голые стены, лужа от недавнего дождя, кошка на дальнем заборе.

— Ты знаешь, где остальные семь?

— Троих — знаю. Остальных примерно. Дом движется быстрее, чем я рассчитывал. За последние два месяца они взяли двоих, которых я не успел найти первым.

— Взяли — значит живыми?

— Живыми. — Что-то в его голосе стало тяжелее на этом слове.

При этом свете, сером, рассеянном, без теней, она наконец увидела его лицо нормально, не на бегу и не в напряжении первой встречи. Резкие черты, скулы, прямой нос с едва заметной неровностью посередине. Сломан когда-то, сросся без помощи лекаря. Тёмные брови, тёмная щетина в несколько дней. Не намеренная, просто не успел или не счёл нужным. Рот прямой, с привычкой держать его закрытым. Не жёсткий, но собранный. Лицо человека, который давно перестал ожидать от мира поблажек.

И глаза.

Тёмно-карие, почти чёрные в этом свете, но светящаяся кайма по краям радужки делала их странными. Не пугающими. Странными, как что-то красивое, что одновременно является предупреждением.

ейн убрала взгляд.

— Покажи плечо, — сказала она.

Он чуть приподнял бровь.

— В переулке кто-то достал тебя ножом, — пояснила она. — Я видела.

Секунда паузы. Потом он потянул ворот рубашки в сторону и она увидела порез. Неглубокий, но длинный, уже запёкшийся по краям.

— У тебя есть бинт? — спросила Рейн.

— В узле.

Она нашла бинт сама, небольшой свёрток чистой ткани, рядом маленький флакон с чем-то прозрачным. Взяла оба, вернулась к нему.

— Руку.

Он протянул. Без комментариев.

Рейн развернула ткань, взяла флакон. Антисептик дешёвый, но рабочий, она такой использовала сама. Намочила край ткани, начала обрабатывать порез. Кэйн не поморщился, смотрел в сторону, в окно, с видом человека, привыкшего к подобным процедурам.

Вот тогда она это поняла.

Расстояние между ними сейчас было меньше полуметра. Она держала его руку, правую, с Печатью по всей длине и чувствовала узор под пальцами: не просто кожа, что-то чуть теплее, чуть плотнее, как шрам, который никогда не остынет до конца. И резонанс, тот самый, который она успела немного игнорировать за сорок минут ходьбы и разговора, на таком расстоянии превратился в нечто совершенно другое.

Не болезненное. Не неприятное. Хуже.

Глубокий, ровный гул, как будто что-то внутри неё вибрировало на частоте, которую она не выбирала. Он шёл от позвоночника наружу, к рёбрам, к коже, и Рейн поняла, что держит его запястье на секунду дольше, чем нужно для перевязки.

Она продолжила бинтовать. Ровно. Методично.

— Ты давно охотишься? — спросил он. Тихо, не глядя на неё.

— Шесть лет.

— Одна?

— Всегда.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Она затянула узел — чуть сильнее, чем нужно. Он не поморщился и на этот раз.

— Рейн.

— Что.

— Ты чувствуешь, что происходит сейчас.

Не вопрос.

— Резонанс, — сказала она. — Я знаю, что это такое.

— Нет. — Он наконец повернул голову и посмотрел на неё прямо, без обиняков, с той же ровной внимательностью, с которой смотрел у склада. — Резонанс я чувствовал раньше. С другими Мечеными. Это другое.

Рейн не убрала руку с его запястья. Она сама не понимала почему.

— Осколочные резонируют сильнее, — сказала она. — Логично.

— Не настолько, — возразил он спокойно. — Не так.

Молчание.

За грязным стеклом серело небо, день клонился к вечеру, хотя они пробыли здесь меньше часа. Где-то далеко, на уровне порта, кричала чайка. Рейн слышала своё дыхание, ровное, она следила за этим. И его, чуть медленнее, и этот гул между ними, который становился громче с каждой секундой, пока она не отодвигалась.

Она должна была отодвинуться.

— Не надо, — сказала она.

— Я ничего не делаю.

— Именно поэтому — не надо.

Что-то изменилось в его лице. Не улыбка, она уже знала, что улыбки у него почти не бывает, но живое, настоящее. Он смотрел на неё так, как смотрят на что-то неожиданное. Не неприятное. Просто неожиданное.

— Ты боишься резонанса, — сказал он наконец.

— Я боюсь того, что резонанс делает с суждением.

— С чьим?

— С моим.

Пауза. Он опустил взгляд на её руку, всё ещё на его запястье. И снова поднял на неё. Ничего не сказал. Не нужно было.

Рейн убрала руку.

Отступила на шаг. Ещё один. Гул в позвоночнике стал тише — совсем немного, но ощутимо, как когда зажимаешь уши и звук не исчезает, просто меняет характер.

— Значит, суждение всё-таки страдает, — сказал он тихо. Без торжества. Просто констатация.

— Замолчи.

— Хорошо.

Она подошла к противоположной стене, прислонилась спиной, скрестила руки. Смотрела на него с расстояния в четыре метра и думала о том, что это правильное расстояние. Рабочее. Безопасное.

Кэйн остался на подоконнике. Смотрел на свои руки — на узор Печати, на свежий бинт поверх пореза.

— Мне нужно знать твой предел, — сказала она наконец. Деловым тоном. Рабочим.

Он поднял взгляд.

— Предел чего.

— Истирания. Сколько ты можешь использовать Печать за один раз, прежде чем начнётся скачок? — Она кивнула на кайму у его радужки. — Судя по этому — уже немало потрачено. Мне нужно знать, с чем я работаю.

Долгая пауза.

— Пять полных применений подряд, — сказал он. — Потом час отдыха, или следующее применение даст скачок Истирания.

— А сегодня в переулке?

— Три.

— Значит, ещё два в запасе.

— В теории.

— Практика отличается?

— Практика всегда отличается, — сказал он. — Но в целом верно.

Рейн кивнула. Убрала информацию туда, где хранится рабочее.

— Теперь ты, — сказал он.

— Что — я?

— Твой предел.

Она смотрела на него несколько секунд.

— Моя Печать пассивна. Я не включаю её намеренно — она работает постоянно, фоном. Истирание идёт, но медленно. Пауза. — Намного медленнее, чем у тебя.

Что-то мелькнуло в его взгляде, быстро, почти незаметно. Она не успела понять, что именно.

— Тогда ты ценный человек для этого маршрута, — сказал он ровно.

— Я знаю, — сказала Рейн. — Именно поэтому у нас будут правила.

— Ты упоминала.

— Первое: я не инструмент. Я принимаю решения сама. Ты можешь предлагать маршруты, я выбираю, идти или нет.

— Принято.

— Второе: ты говоришь мне всё заранее. Не в тот момент, как мы уже в ситуации. До.

— Постараюсь.

— Это не ответ.

— Это честный ответ, — сказал он. — Я не всегда знаю заранее сам.

Рейн смотрела на него. Потом кивнула — неохотно, но кивнула.

— Третье.

— Слушаю.

— Резонанс — это физиология, — сказала она ровно. — Это не обсуждается, не используется и не становится аргументом ни в одном разговоре. Ни в каком контексте.

Долгое молчание.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Хорошо.

Она оттолкнулась от стены.

— Нам нужна еда и новое укрытие. Этому месту четыре дня, значит уже небезопасно. — Она застегнула куртку. — У тебя есть деньги?

— Немного.

— У меня есть. Значит, я иду за едой. Ты остаёшься здесь и не трогаешь ничего, что светится.

Он посмотрел на неё и на этот раз она точно увидела это. Не улыбку. Что-то живее улыбки.

— Договорились, — сказал он.

Рейн развернулась и пошла к лестнице.

— Рейн.

Она остановилась. Не обернулась.

— Ты рыжая, — сказал он. Просто. Как будто это была рабочая информация.

— Снова наблюдательно, — сказала она и спустилась вниз.

На улице она остановилась на секунду и выдохнула.

Серый вечер Пятого Пояса, запах дождя и жареного лука из ближайшей харчевни, холодный ветер с порта. Всё обычное, всё на своих местах.

Рейн поправила куртку и пошла к рынку.

Она была среднего роста, жилистая, не хрупкая, но такая, что в одежде её размер не угадывался. Двигалась легко, почти бесшумно, привычкой человека, который давно предпочитает не быть замеченным. Тёмно-рыжие волосы, не яркие, скорее цвета старой меди — убраны назад и стянуты на затылке чем-то простым. Несколько прядей выбились за день, она не замечала. Лицо — острые черты, высокие скулы, тонкий нос, рот с привычкой поджиматься чуть влево, когда она думала. Глаза светло-серые, почти прозрачные в пасмурную погоду, и в них та самая внимательность, которую люди иногда принимали за холодность, а иногда за что-то другое, более неудобное.

На левой скуле старый шрам, тонкий, белый, старый. Она никогда о нём не рассказывала.

Печать вдоль позвоночника не была видна под одеждой. Это было удобно. Рейн купила хлеб, сыр, что-то горячее в жестяном контейнере и бутылку воды. Заплатила не торгуясь, не время для торговли. На обратном пути проверила, нет ли хвоста. Не было.

Поднимаясь по лестнице красильни, она думала о правилах, которые только что озвучила. О том, что третье из них самое важное. И о том, что важность правила прямо пропорциональна тому, насколько сложно его соблюдать.

Кэйн сидел там, где она его оставила. Смотрел в окно. При звуке её шагов повернулся.

— Хвоста нет, — сказала она, не ожидая вопроса.

— Я знаю. — Он кивнул на стену рядом с собой. — Я бы почувствовал.

— Ты пользовался Печатью?

— Пассивно. Это не считается.

— У тебя тоже есть пассивный режим?

— Небольшой. — Он принял контейнер с едой, который она протянула. — Не такой, как у тебя. Скорее фоновый контроль того, что я касаюсь.

— И что ты касаешься прямо сейчас?

— Подоконник, — сказал он серьёзно. — Дерево. Сухое. Никакой угрозы.

Рейн хмыкнула коротко, почти беззвучно и села на ящик напротив. Открыла свою часть еды. Они ели молча несколько минут.

Это было странно, не неприятно, просто странно. Она не помнила, когда последний раз ела в тишине с кем-то другим. Обычно тишина с чужим человеком требовала заполнения. Здесь — нет. Он ел и смотрел в окно. Она ела и думала о завтрашнем маршруте. Гул резонанса на четырёх метрах расстояния был ровным и почти привычным. Почти.

— Ты сказала *была*, — произнёс он наконец.

— Что?

— Когда я спросил, ты охотница. Ты сказала: *была*. Пауза. — Ты уже тогда решила.

Рейн посмотрела на него.

— Я сказала, что думаю.

— Я знаю, что ты сказала, — ответил он спокойно. — Я говорю о том, что ты имела в виду.

Долгое молчание.

— Ешь, — сказала Рейн.

Он ел. И больше не говорил ничего, но когда она посмотрела на него снова, светящаяся кайма в его глазах в темноте казалась чуть ярче. Не от Истирания.

Просто темнело.

Она легла спать у противоположной стены и слушала его дыхание дольше, чем следовало.

Глава 3 — Нулевой

Рейн проснулась раньше рассвета.

Это была старая привычка, не будильник, не тревога, просто тело, которое за шесть лет охоты научилось выходить из сна раньше, чем опасность успевала материализоваться. Она лежала на спине, смотрела в потолок красильни. Тёмные балки, паутина в углу, серый прямоугольник окна, через которое едва намечался рассвет и слушала.

Дыхание Кэйна. Ровное, глубокое. Спит.

Тишина снаружи, портовая, живая, с далёкими криками чаек и плеском воды о сваи. Никаких шагов, никакого скрипа лестницы, никакого предупреждения от позвоночника. Чисто.

Рейн выдохнула.

И почувствовала это — как всегда в первые секунды после пробуждения, когда контроль ещё не включился полностью. Тепло. Не резонанс, другое. Глубже резонанса, старше его, живущее в ней столько, сколько она себя помнит.

Она немедленно зажала его. Привычным движением, как зажимают кран. Резко, до конца, не думая.

Тепло ушло.

Рейн села, обхватила колени руками и посидела так минуту, пока пульс не вернулся к рабочему ритму.

Никто не должен знать. Никто — никогда.

Это правило было старше всех остальных её правил. Старше охоты, старше Пятого Пояса, старше шрама на скуле. Оно появилось раньше, чем она поняла, что именно скрывает, просто как инстинкт, как что-то, что тело знало прежде, чем голова успела сформулировать.

Она встала тихо, подошла к окну. Порт просыпался внизу. Первые рыбаки, первые лодки, серое небо, обещающее ещё один пасмурный день. Рейн смотрела на воду и думала о том, как давно это началось.

Восемь лет. Ей было двадцать, и она только-только стала охотником, и однажды ночью во сне что-то случилось, она не помнила деталей, только пробуждение: комната вокруг тихо светилась, и тепло шло от неё, изнутри, и Печать вдоль позвоночника пульсировала так, как никогда не пульсировала раньше.

К утру всё прошло. Больше не повторялось — не так явно.

Но иногда, в момент сильного стресса или сразу после сна, она чувствовала это. Что-то под Печатью. Что-то *кроме* Печати.

Рейн не знала, что это такое. Она очень старательно не искала ответа. Потому что боялась его найти. Потому что в мире, где Меченых ловили, изучали и использовали, человек с чем-то *сверх* Печати был не просто ценной мишенью.

Он был катастрофой.

— Ты рано встаёшь.

Она не вздрогнула, услышала его дыхание раньше, чем он заговорил. Обернулась. Кэйн сидел, опершись спиной о стену, смотрел на неё. Волосы после сна, тёмные, немного растрёпанные, один завиток упал на лоб. Он не заметил.

— Ты тоже, — сказала она.

— Я почти не сплю.

— Истирание?

— Отчасти. — Он потёр лицо ладонью, механически, привычно. Узор Печати в слабом рассветном свете казался темнее, чем вчера. — В какой-то момент перестаёшь видеть смысл во сне. Мозг продолжает работать, тело лежит. Эффективность сомнительная.

Рейн смотрела на него несколько секунд.

— Это поздняя стадия, — сказала она осторожно.

— Средняя, — поправил он. Спокойно, без защиты. — Не поздняя. На поздней перестаёшь чувствовать необходимость разговаривать с людьми.

— Ты много разговариваешь с людьми?

— Нет. Пауза. — Но пока ещё хочу.

Рейн убрала это в ту часть головы, где хранились вещи, которые нужно обдумать позже. Повернулась к узлу с едой, осталось немного от вчерашнего, хватит на утро.

— Нам нужен информатор, — сказала она, протягивая ему хлеб. — Кто-то, кто знает структуру Дома Надзора изнутри. У тебя есть контакты в Четвёртом Поясе?

— Был один. — Кэйн взял хлеб, не глядя. — Архивариус. Работал с Домом десять лет, потом ушёл не по своей воле. Знает про Осколочных больше, чем большинство людей внутри структуры.

— Имя?

— Веррис. Старый, лысый, злой как брошенная кошка. — Что-то мелькнуло в его лице, почти тепло. — Живёт над книжной лавкой на Рыночной улице Четвёртого. По крайней мере, жил три месяца назад.

— Три месяца — большой срок.

— Поэтому я и сказал *был*.

Рейн кивнула. Четвёртый Пояс — два часа пешком, меньше если через портовые переходы, но там больше патрулей Дома. Нужно было выбрать маршрут.

— Выходим через час, — сказала она.

Четвёртый Пояс был богаче Пятого. Не намного, но ощутимо. Здесь мостовые были ровнее, дома выше, вывески читаемее. Дом Надзора держал здесь три регистрационных пункта — места, где Меченые обязаны были отмечаться раз в месяц, сдавать данные об использовании Печати, проходить осмотр. Теоретически это была забота о носителях. Практически, Рейн знала достаточно людей, которые перестали отмечаться и перестали существовать в поле зрения вообще.

Она сама последний раз отмечалась семь месяцев назад.

Они шли раздельно, на расстоянии полквартала, Кэйн впереди, она сзади. Договорились заранее: если кто-то из двоих замечает слежку, останавливается у лотка с едой. Если опасность — сворачивает в ближайший переулок налево.

Рейн шла и краем внимания отслеживала его силуэт в толпе. Высокий, темноволосый, двигается слишком уверенно для человека, который хочет быть незаметным. Она сделала мысленную пометку: сказать ему об этом. Позже.

Позвоночник фонил тихо. Фоновые Меченые города, слабые, далёкие. Ни одного сигнала, похожего на угрозу.

Рыночная улица Четвёртого была именно тем, чем называлась. Шумной, тесной, пахнущей специями и свежей кожей. Книжная лавка обнаружилась в середине квартала: узкий фасад, тёмная витрина, над дверью, потёртая вывеска с изображением открытой книги. Рейн догнала Кэйна у входа.

— Ты заходишь первым, — сказала она тихо.

— Он меня знает.

— Именно поэтому.

Кэйн толкнул дверь.

Внутри было темно и пахло старой бумагой. Густо, почти осязаемо. Стеллажи от пола до потолка, узкие проходы между ними, в глубине тусклый огонёк лампы. Никакого движения.

— Веррис, — сказал Кэйн негромко.

Тишина.

Рейн шагнула внутрь и сразу почувствовала что-то не то. Не сигнал от Печати — просто воздух. Тот специфический неподвижный воздух, который бывает в помещении, где давно никто не открывал окон и не двигал предметов.

— Подожди, — сказала она.

Она прошла вглубь, между стеллажами, к лампе. За стеллажами обнаружился маленький закуток. Стол, кресло, рассыпанные бумаги. Лампа горела. Чай в кружке на столе был холодным — несколько часов, не меньше. Кресло пустое.

На краю стола лежала книга, раскрытая на середине. Рейн посмотрела на страницу. Ничего значимого, обычный исторический текст. Но рядом с книгой, прижатый к краю стола маленьким медным пресс-папье, лежал листок. Мелкий почерк, несколько строк.

Она взяла его. Прочитала.

Потом окликнула Кэйна.

Он появился в проходе, увидел её лицо и сразу стал другим. Собранным, без лишних вопросов.

— Что?

Рейн протянула листок.

Он читал несколько секунд. Потом поднял взгляд.

— Когда это написано?

— Чай холодный три-четыре часа. Значит — ранним утром.

Листок был написан рукой Верриса — Кэйн сказал это сразу, без сомнений. Несколько строк, без приветствия и подписи: *Они знают про лавку. Ухожу сам, пока не забрали. Если придёшь не ищи меня. Ищи того, кто пришёл за мной первым. Он знает про Восемьмерых больше, чем я когда-либо знал. Его называют Нулевым. Это не имя — это должность. Берегись Нулевого.*

И последняя строка, написанная быстрее, с нажимом:

Охотница — тоже не то, чем кажется. Проверь её происхождение.

Рейн перечитала последнюю строку. Почувствовала, как что-то холодное прошло вдоль позвоночника, не резонанс. Что-то старшее.

— Что это значит — охотница не то, чем кажется? — спросил Кэйн. Ровно. Без обвинения.

— Не знаю, — сказала она.

Это была ложь. Первая. Она считала.

Она смотрела на него прямо, без изменений в лице, и думала о том, что Веррис человек, который работал с Домом Надзора десять лет, написал это имея в виду что-то конкретное. Что он знал. Что её тайна не была такой тайной, какой казалась?

Никто не должен знать. Никто — никогда.

— Нам нужно уходить, — сказала она. — Если они пришли за ним утром, могли оставить наблюдение.

— Согласен. — Кэйн сложил листок, убрал в куртку. — Веррис упомянул Нулевого. Я слышал это название один раз, два года назад, от Меченого, которого вытащил из подвала регистрационного пункта. Он был в плохом состоянии и говорил не очень связно. Я не придавал этому веса.

— А теперь?

— А теперь думаю, что зря.

Они вышли из лавки быстро и без спешки. Два человека, зашедших за книгой и не нашедших нужного. Рейн закрыла за собой дверь.

На улице было шумно и обычно. Никого подозрительного у входа. Она проверила переулок слева — пусто. Позвоночник молчал.

— Нулевой — это человек или структура? — спросила она, когда они отошли на квартал.

— Не знаю. Тот Меченый говорил *он* — значит, человек. Или по крайней мере носитель.

— Носитель Печати?

— Возможно. — Кэйн шёл рядом — они больше не держали дистанцию, ситуация изменилась. — Веррис написал: знает про Восьмерых больше, чем он. Веррис знал очень много.

— Значит, Нулевой — это кто-то с доступом к информации, которой нет у Дома.

— Или кто-то, кто и есть Дом, — сказал Кэйн. — Только та его часть, о которой знают единицы.

Рейн думала на ходу. Рыночная улица осталась позади, они вошли в более спокойный квартал, жилой, малолюдный, запах готовящейся еды из окон.

Охотница — тоже не то, чем кажется. Проверь её происхождение.

Откуда Веррис знал. Что именно знал. Знал ли он про тепло под Печатью, про ночь восемь лет назад, про светящуюся комнату или знал что-то другое, что Рейн сама не знала про себя.

Последнее было самым страшным вариантом.

— Стой, — сказал Кэйн.

Она остановилась.

Он смотрел в конец переулка неподвижно, с тем выражением, которое она уже научилась читать: когда Печать давала сигнал. Ладони у него, она заметила, чуть светились сквозь ткань карманов.

— Сколько? — спросила она тихо.

— Двое. За углом. Стоят, не двигаются, ждут.

— Меченые?

— Нет. — Пауза. — Обычные. Но вооружённые.

Рейн быстро оценила переулок. Тупик справа, выход слева, откуда они пришли открытый, но длинный. Двое за углом впереди, значит, знают маршрут. Значит, следили от лавки, только не снаружи.

— Изнутри, — сказала она вслух.

— Что?

— Наблюдатель был внутри лавки. Среди стеллажей, мы не проверили все проходы.

Кэйн посмотрел на неё.

— Ты права, — сказал он. Без упрёка. — Моя ошибка.

— Наша, — поправила Рейн. — Считаю до трёх.

— Зачем?

— Потому что на три я пойду влево, а ты вперёд. Они рассчитывают на двоих вместе. По одному мы быстрее.

— Это разумно, — сказал он. — Или это способ от меня избавиться.

Она посмотрела на него.

— Если бы я хотела от тебя избавиться, — сказала она, — я бы не стала тратить на это бинт.

Что-то живое снова — быстро, как всегда.

— Один, — сказал он.

— Два, — сказала она.

— Три.

Она пошла влево. Быстро, но не бегом, вдоль стены, в тень. Услышала за углом движение, голос, потом резкий звук, который бывает когда что-то твёрдое встречается с чем-то мягким. Кэйн. Она не оглянулась.

Переулок вывел её на параллельную улицу — пустую, тихую. Она прижалась к стене и ждала.

Тридцать секунд.

Кэйн появился из-за угла. Без крови, без видимых повреждений. Правая ладонь светилась слабо, затухая.

— Двое, — сказал он. — Живые. Без сознания.

— Хорошо. — Она оценила его руку. — Это было применение Печати?

— Контролируемое.

Они пошли быстро, плечом к плечу, дистанция в три шага осталась где-то в красильне, ситуация изменила правила раньше, чем она успела это сформулировать. Рейн чувствовала резонанс на этом расстоянии. Ровный, глубокий, ставший за сутки почти фоновым. Почти.

— Веррис знал про тебя что-то конкретное, — сказал Кэйн. Не глядя на неё. — Последняя строка.

— Я поняла.

— Ты сказала, что не знаешь, что это значит.

— Я так сказала.

Пауза.

— Хорошо, — произнёс он наконец.

Рейн посмотрела на него быстро, сбоку. Он шёл прямо, смотрел вперёд. Принял её ответ без давления. Без вопросов.

Это было неожиданно. И от этого, почему-то хуже, чем если бы он настаивал.

Она думала о последней строке Верриса всю дорогу обратно. О том, что тайна, которую она берегла восемь лет, возможно, никогда не была только её тайной. О том, что кто-то — Веррис, Нулевой, кто-то ещё, знал про неё что-то, чего она сама не знала.

И о том, что человек, идущий рядом с ней, с Истиранием в глазах и Печатью на руках, последний, кому она могла это рассказать.

Именно поэтому она не расскажет.

Никогда. Никому.

Особенно ему.

Глава 4 — Правила на двоих

Новое укрытие нашла Рейн.

Не через контакты, контакты после истории с Веррисом она решила пока не трогать. Просто прошла нужный квартал дважды, оценила переулки, запасные выходы, плотность патрулей Дома, расстояние до ближайшего регистрационного пункта. Выбрала дом на углу Третьей Портовой и безымянного переулка, который на картах Четвёртого Пояса числился тупиком, но на самом деле выходил через полуразрушенный забор на параллельную улицу — это она проверила лично, пока Кэйн ждал у условленного места.

Дом был жилым, нижние два этажа, верхний пустовал. Хозяйка, пожилая женщина с руками прачки и взглядом человека, который давно перестал задавать лишние вопросы, взяла деньги вперёд за три дня и показала комнату. Одну.

Рейн заплатила не торгуясь.

Комната оказалась небольшой, стол, два стула, узкая кровать у стены и топчан под окном, набитый чем-то, что когда-то было соломой. Окно выходило во двор. На противоположной стене дверь в крошечный смежный закуток с умывальником. Всё чистое, всё ветхое, всё достаточное.

Кэйн осмотрел комнату молча. Потом посмотрел на кровать. Потом на топчан.

— Я возьму топчан, — сказал он.

— Знаю, — сказала Рейн. — Кровать моя.

Он чуть приподнял бровь и ничего не ответил.

Она бросила свой мешок на стул, сняла куртку, повесила на спинку. Под курткой рубашка с закатанными рукавами, перевязи с ножами крест-накрест. Кэйн смотрел на перевязи секунду,

не оценивающе, просто отмечал. Она привыкла к такому взгляду. Оружие всегда вызывало реакцию.

— Нам нужно поговорить про Нулевого, — сказала она.

— Нам нужно поговорить про многое.

— Начнём с Нулевого.

Он сел на топчан, тот скрипнул, но выдержал, и скрестил руки. Узор Печати на запястьях в тусклом дневном свете выглядел спокойным, тёмным, неактивным.

— Всё, что я знаю, — это кличка и то, что Меченый из подвала регистрационного пункта произносил его с такой интонацией, с которой произносят что-то необратимое. Пауза. — И то, что написал Веррис. Нулевой знает про Осколочных больше, чем он. Веррис знал достаточно, чтобы бежать.

— Значит, Нулевой знал достаточно, чтобы Веррис боялся оставаться.

— Да.

— Он работает внутри Дома?

— Веррис написал: его называют Нулевым. Это должность. — Кэйн чуть наклонил голову. — Должность предполагает структуру. Структуру, внутри которой есть ноль — начало отсчёта. Выше всех остальных позиций.

— Или до всех остальных, — сказала Рейн.

Он посмотрел на неё.

— Это другое, — сказал он медленно. — Ты имеешь в виду — не иерархия. Хронология.

— Первый. Нулевой — это тот, кто был раньше Дома. До того, как Дом стал тем, что он есть сейчас.

Молчание.

— Основатель, — сказал Кэйн.

— Или тот, кто основателей создал.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Рейн думала о том, что версия складывается слишком легко, а версии, которые складываются легко, обычно неполные. Но направление было. Это уже что-то.

— Нам нужен другой источник, — сказала она. — Веррис был единственным твоим контактом в Четвёртом?

— В Четвёртом да. В Третьем есть человек. Бывший регистратор Дома ушёл сам, три года назад, по причинам, которые он называет личными, а я называю умными. Торгует информацией. Дорого, но честно.

— Имя?

— Джейра. — Пауза. — Она тебя не любит.

Рейн приподняла брови.

— Она меня знает?

— Знает про тебя. У неё хорошая сеть. — Кэйн смотрел ровно. — Ты сдала троих её людей три года назад. По контракту.

— Это была работа.

— Она так не считает.

— Тогда придётся убедить её пересмотреть точку зрения.

— Или, — сказал он, — придётся убедить её, что ты теперь не та, которая сдаёт людей по контракту.

Рейн посмотрела на него.

— Я та же самая, — сказала она. — Просто контракт сменился.

Что-то в его лице быстро, почти незаметно изменилось.

— Это честно, — сказал он.

— Я знаю.

Она отвернулась к окну. Во дворе внизу хозяйка развешивала бельё — методично, без спешки, с видом человека, у которого в жизни есть порядок и этим порядком он дорожит. Рейн смотрела на неё и думала о Джейре, о Третьем Поясе, о записке Верриса. О последней строке.

Проверь её происхождение.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал Кэйн за её спиной.

— Мне нужно думать.

— Это не взаимоисключающие вещи.

— Для меня — иногда да.

Пауза.

— Рейн.

— Что.

— Последняя строка Верриса, — сказал он тихо. — Я не буду спрашивать, что ты знаешь. Но я скажу одно: если ты что-то скрываешь... то, что касается нашего маршрута или безопасности остальных — мне нужно знать.

Она обернулась.

Он смотрел на неё прямо, без давления, без обвинения, с той же ровной внимательностью, с которой смотрел всегда. Но в этот раз под ней было что-то ещё. Не угроза. Что-то, что было хуже угрозы: понимание, что он спрашивает по-настоящему.

— Если то, что я знаю, будет касаться маршрута или безопасности, — сказала она, — я скажу.

— Хорошо.

— Это не значит, что я скажу сейчас.

— Я понял.

Молчание растянулось. За окном хозяйка закончила с бельём и ушла. Двор опустел. Рейн смотрела на пустой двор и чувствовала резонанс — на пяти метрах расстояния, тихий, привычный, как чужое дыхание в темноте.

— У нас ещё не было всех правил, — сказал он вдруг.

Она обернулась снова.

— Ты сказала три, — продолжил Кэйн. — Первое — ты не инструмент, решения твои. Второе — я говорю всё заранее. Третье — резонанс не обсуждается. Пауза. — Три правила мало для маршрута такой сложности.

— У тебя есть предложения?

— Есть одно. — Он смотрел на неё ровно. — Если кто-то из нас решает уйти, говорит прямо. Не исчезает. Не придумывает причин. Просто говорит.

Рейн смотрела на него несколько секунд.

— Ты ожидаешь, что я уйду, — сказала она.

— Я ожидаю, что ситуация будет становиться сложнее, — поправил он. — И хочу, чтобы у нас был честный выход, если кому-то он понадобится.

— Включая тебя.

— Включая меня.

Она думала. Потом кивнула.

— Принято. Четвёртое правило.

— Есть пятое, — сказал он.

— Уже?

— Короткое. Пауза. — Не лгать о том, что важно. О мелком, как угодно. Но если что-то важно для маршрута, для безопасности или для... — он чуть запнулся, — для того, что между нами. Не лгать.

Рейн смотрела на него долго.

— Это сложное правило, — сказала она наконец.

— Знаю.

— Ты сам его будешь соблюдать?

— Стараюсь, — сказал он. — Это честный ответ.

— Лучше, чем *постараюсь*.

— Немного, — согласился он.

Рейн отвернулась к окну снова. Пустой двор, серое небо, запах готовящейся еды из нижнего этажа. Пятое правило висело в комнате как что-то физическое, тяжёлое, неудобное, необходимое.

Не лгать о том, что важно.

Она уже нарушила его. Дважды — если считать молчание ложью. Три раза — если считать честно.

— Принято, — сказала она.

Вечером она нашла их.

Не Осколочных, просто Меченых. Двое, где-то на расстоянии квартала, сигнал средней силы. Не угроза, просто присутствие. Она отметила направление, интенсивность, потом отпустила. Фон. Город был полон фоновых сигналов, она научилась их сортировать.

Кэйн сидел за столом с бумагой и что-то чертил схему, маршрут, она не спрашивала. Она устроилась на стуле у окна с ножом и точильным камнем. Привычное занятие для рук, пока голова работала.

Они не разговаривали.

Это снова было странно, в том же смысле, что вчера в красильне. Тишина не требовала заполнения. Он чертил, она точила нож, за окном темнело, хозяйка внизу гремела посудой. Всё обычное.

Рейн думала о правиле пять.

О том, что оно направлено против неё не намеренно, но объективно. Потому что у Кэйна не было тайн, которые могли изменить расклад. У неё была. И она не собиралась её раскрывать. Не потому что не доверяла ему, хотя и это тоже. А потому что восемь лет молчания создают свою гравитацию, и нарушить её в съёмной комнате над прачечной казалось неправильным.

Ещё она думала о том, что Веррис написал *проверь её происхождение*. Не *её Печать*. Не *её силу*. Происхождение.

Значит, дело было не в том, *что* она умеет. А в том, *откуда* она.

Рейн никогда не знала своего происхождения. Детский дом на Шестом Поясе, запись в регистре: найдена у ворот, возраст предположительно два-три года, без документов. Имя дали воспитатели. Фамилии не было, она взяла её сама, в шестнадцать, когда уходила. Придумала из воздуха.

Она всегда думала, что это просто биография. Одна из многих на Шестом Поясе.

Сейчас думала иначе.

— Ты умеешь читать старые карты? — спросил Кэйн, не поднимая головы от бумаги.

— Зависит от карты.

— Архивные. Дом Надзора использует систему обозначений, которой лет двести. — Он развернул листок к ней. — Веррис успел передать кое-что раньше, чем ушёл. Не мне, через третье лицо, неделю назад. Я получил только сегодня утром, пока ты выбирала маршрут.

Рейн встала и подошла к столу.

Листок оказался копией — не оригинал, перерисованный от руки, но аккуратно. Схема, похожая на карту, но не совсем. Семь Поясов угадывались в концентрических кольцах, но поверх них была нанесена другая сетка. Точки, линии, символы, которые она не знала.

— Что это?

— Веррис называл это Сетью Истока, — сказал Кэйн. — Места, где фрагменты звезды упали в первую ночь. Не все четыре тысячи — только Первые Восемь.

Рейн смотрела на карту.

Восемь точек. Разбросаны по всем Поясам, она узнала примерное расположение. Одна точка в Первом Поясе, две в Третьем, одна в Пятом...

— Пятый Пояс, — сказала она.

— Да.

— Это где ты был.

— Это где меня нашли. В три года. — Он произнёс это ровно, без интонации. — Недалеко от портовых складов. Там же, где ты меня нашла сейчас.

Рейн подняла взгляд на него.

— Ты думаешь, Осколочные рождаются рядом с местами падения.

— Я думаю, это не случайность. — Он указал на другую точку. — Это Шестой Пояс. Нижний квартал, ближе к внешней стене.

Рейн смотрела на точку.

И что-то холодное прошло по позвоночнику, не резонанс, не тепло под Печатью. Что-то, похожее на то, когда начинаешь понимать ответ на вопрос, который боялся задавать.

Детский дом на Шестом Поясе. Нижний квартал. У ворот — найдена в два-три года.

— Что там? — спросила она. Голос ровный. Она следила за голосом.

— По данным Верриса место падения одного из Первых Восьми, — сказал Кэйн. — Носитель так и не был идентифицирован. Дом искал, безуспешно. Это единственный из восьми, про которого ничего не известно.

Молчание.

Рейн смотрела на точку на карте. На кружок карандаша над Шестым Поясом, нижний квартал, ближе к внешней стене.

Охотница — тоже не то, чем кажется. Проверь её происхождение.

Восемь лет она не искала ответа потому что боялась его найти.

Вот он.

Она не нашла его сама. Он лежал на столе в съёмной комнате над прачечной, нарисованный рукой мёртвого архивариуса, и смотрел на неё с бумаги так спокойно, как будто всегда знал, что она придёт.

— Рейн, — сказал Кэйн.

Она подняла взгляд.

Он смотрел на неё внимательно, ровно. Без вопросов. Но она видела: он видит. Не знает что именно, но видит, что что-то произошло. Что что-то изменилось в её лице, хотя она держала его ровным.

— Ты знаешь этот район? — спросил он осторожно.

— Нет, — сказала она.

Вторая ложь сегодня. Или продолжение первой — она больше не считала.

— Хорошо, — сказал он. И отвёл взгляд обратно к карте.

Не поверил. Она знала, что не поверил. Но принял. Так же, как принял её ответ утром. Без давления.

Это снова было хуже, чем если бы он настаивал.

Ночью она не спала.

Лежала на кровати, смотрела в потолок, слушала ровное дыхание Кэйна с топчана. Он спал или делал вид, что спал, хотя она помнила, что он говорил про сон. Неважно.

Она думала.

Если она Осколочная, первая из восьмая, единственная неидентифицированная, то всё менялось. Не просто её тайна, не просто вопрос безопасности. Дом Надзора искал её всю её жизнь. Просто не знал, кого именно искать. Тот, кто нанял её через конверт без герба мог знать. Мог использовать не только как живой маяк для поиска Кэйна.

Мог использовать для сбора всех восьми.

Включая её саму.

Она думала о тепле под Печатью. О светящейся комнате восемь лет назад. О том, что её Печать всегда казалась ей слишком чувствительной, слишком глубокой для простого восприятия. Она думала, что это индивидуальная особенность носителя. Теперь думала иначе.

Осколочные несут в себе что-то от сути звезды. Что-то глубже просто силы.

Тепло под Печатью — это и было *глубже*.

— Ты не спишь, — сказал Кэйн в темноте.

— Ты тоже.

— Я говорил, я почти не сплю, — напомнил он. — Ты — другое. У тебя дыхание рабочее.

— Рабочее?

— Ровное, но не расслабленное. Человек во сне дышит иначе.

Рейн смотрела в потолок.

— Я думаю, — сказала она.

— Знаю. — Пауза. — Рейн.

— Что.

— Я не буду спрашивать, о чём ты думаешь.

— Хорошо.

— Но если тебе нужно поговорить — можно поговорить. Я слушаю хорошо. Это одно из немногих, что Истирание пока не забрало.

Молчание.

Рейн думала о правиле пять. О том, что *не лгать о том, что важно* — это правило, которое она приняла час назад и уже нарушила дважды. О том, что лежит карта на столе, и на ней точка над Шестым Поясом, и она знает, что это значит, и он не знает, и это расстояние между знанием и незнанием было самым безопасным расстоянием, которое у неё сейчас было.

— Я знаю, откуда я, — сказала она.

Тишина.

Не объяснение. Не признание. Просто три слова в темноту, в потолок, в пространство между ними.

Она не знала, почему сказала это. Может быть, потому что восемь лет — это долго держать что-то одной. Может быть, потому что правило пять было умным правилом, и она это признавала. Может быть, потому что темнота делала слова дешевле.

— Хорошо, — сказал он тихо.

Не *расскажи*. Не *я так и думал*. Просто — хорошо.

— Я не скажу тебе, — добавила она. — Пока.

— Я не прошу.

— Пятое правило.

— Пятое правило говорит не лгать о важном, — сказал он. — Ты не солгала. Ты сказала, что знаешь. И что пока не скажешь. Это честно.

Рейн молчала.

— Спи, — сказал он. — Завтра Третий Пояс и Джейра, которая тебя не любит. Нужны силы.

— Она тебя тоже не особенно любит?

— Меня она терпит, — сказал он. — Разница есть.

— Большая?

— Средняя. Достаточная, чтобы она не выставила нас сразу.

— Обнадёживает.

Что-то в темноте — не смех, но около того. Живое, тихое.

Рейн закрыла глаза.

Тепло под Печатью было спокойным, фоновым, привычным. Резонанс с топчана через всю комнату был таким же. Она лежала между двумя источниками тепла, своим собственным и чужим. И думала о том, что это странно. Что она никогда раньше не думала о резонансе как о тепле. Обычно, как о помехе. Как о профессиональном риске.

Сейчас — просто как о тепле.

Это было неправильно.

Это было очень неправильно.

Она уснула раньше, чем успела додумать. И во сне комната не светилась. Просто темнота и ровное дыхание, и чужая Печать через всю комнату, тихая как второе сердце.

Утром она вспомнила об этом первом делом.

И не знала, что с этим делать.

Глава 5. Рынок Четвёртого

Джейра жила над табачной лавкой. Не над книжной, Рейн отметила это сразу, когда Кэйн остановился у нужного дома. Табак, не книги. Это говорило кое-что о характере человека или о том, как сильно характер меняется за три года после ухода из Дома Надзора.

— Она знает, что мы придём? — спросила Рейн.

— Нет.

— Ты предупреждаешь людей заранее.

— Обычно — да. Джейру — нет. Она лучше реагирует на сюрпризы, чем на ожидание.

Когда она ждёт успевает придумать причины отказать.

Рейн посмотрела на него.

— Ты хорошо её знаешь.

— Достаточно. Пауза. — Мы работали вместе однажды. Два года назад. Она помогла мне найти одного из Осколочных раньше, чем его нашёл Дом.

— Нашли?

— Нашли. — Что-то в его голосе стало тяжелее. — Но не успели. Дом знал маршрут. Кто-то слил, мы так и не выяснили, кто. После этого Джейра перестала работать в группах и только продаёт информацию одиночкам.

Рейн обдумала это.

— Она думает, что утечка была от тебя?

— Она не исключает такой возможности.

— А ты?

— Я не исключаю ни одной возможности, — сказал он ровно. — Это осторожность, не самокритика.

Они стояли у двери. Третий Пояс просыпался вокруг них, богаче Четвёртого, спокойнее Пятого, с той специфической ухоженностью кварталов, где деньги есть, но не кричат об этом. Мостовая чистая. Вывески читаемые. Патрулей Дома Надзора здесь было больше. Рейн насчитала двух за то время, пока они шли от ночлега. Оба прошли мимо без интереса.

— Иду первой, — сказала она.

— Я думал...

— Ты думал, что пойдёшь первым, потому что она тебя знает. Но она меня не любит, значит, среагирует ярче. Яркая реакция — это информация. — Рейн поправила куртку. — Мне интересно, как именно она меня не любит.

Кэйн смотрел на неё несколько секунд.

— Хорошо, — сказал он.

Рейн постучала.

Тишина. Потом шаги, быстрые, лёгкие, человек, который не тратит движения зря. Дверь открылась на треть, на цепочку.

Джейра оказалась меньше, чем Рейн ожидала. Невысокая, плотная, с короткими тёмными волосами и лицом человека, который давно решил, что вежливость — это ресурс, и тратить его на незнакомцев неразумно. Лет сорока, может чуть больше. Глаза быстрые, оценивающие, остановились на Рейн и сразу стали холоднее.

— Нет, — сказала она.

— Здравствуй, Джейра, — сказала Рейн.

— Я знаю, кто ты. Ответ — нет.

— Я ещё ничего не спросила.

— Ты пришла с ним, — Джейра кивнула за плечо Рейн, — значит, я знаю достаточно.

Ответ нет.

— Джейра, — сказал Кэйн из-за плеча Рейн.

— И тебе нет. — Голос у неё был ровный, без злости — что было хуже злости. — Уходите.

— Веррис мёртв, — сказала Рейн.

Пауза.

Маленькая, почти незаметная, но Рейн видела, как что-то изменилось в лице женщины. Не горе. Не страх. Что-то, что бывает, когда слышишь новость, которую уже ждал, но всё равно не был готов.

— Когда, — сказала Джейра. Не вопрос.

— Вчера утром. Успел уйти сам — или почти сам. Оставил записку.

— Что в записке.

— Нулевой, — сказал Кэйн.

Цепочка с двери слетела быстро.

Комната над табачной лавкой была неожиданно большой. Джейра убрала перегородки между двумя смежными помещениями и получила пространство, которое было одновременно рабочим кабинетом, кухней и, судя по узкому дивану в углу, спальней. Стены в картах, схемах, списках, написанных мелким почерком на листках, которые крепились булавками в несколько слоёв. Рейн смотрела на них краем внимания, пока Джейра ставила на огонь небольшой медный котелок.

— Садитесь, — сказала она. — Чай будет через пять минут. И не трогайте стены.

— Я не собиралась, — сказала Рейн.

— Ты смотришь на них с профессиональным интересом. Это хуже, чем трогать.

Рейн села. Кэйн сел рядом, стол был небольшой, три стула, расстояние между ними привычное уже, почти незаметное. Почти.

Джейра работала у плиты молча несколько минут. Потом поставила три кружки, села напротив, скрестила руки.

— Записка полная, — сказала она. — Слово в слово.

Кэйн достал листок. Прочитал вслух — всё, включая последнюю строку.

Джейра слушала не двигаясь. Когда он закончил, она смотрела на Рейн.

— *Охотница не то, чем кажется*, — повторила она медленно. — Веррис не писал того, в чём не был уверен. Что ты такое?

— Меченая, — сказала Рейн.

— Это я вижу. — Джейра кивнула на позвоночник — точнее, на место вдоль позвоночника, которое под одеждой никак не выдавало себя. — Позвоночник. Восприятие. Хороший

инструмент для охотника. Но Веррис не стал бы писать про охотницу с Печатью восприятия так, как будто это важно. Таких сотни.

— Может, он имел в виду что-то другое, — сказала Рейн.

— Может, — согласилась Джейра. Тон ровный, не настаивающий. — Но я работала с Веррисом семь лет. Он имел в виду именно то, что написал. Всегда.

Молчание.

Рейн держала кружку двумя руками. Чай был горьким, крепким, без ничего. Именно таким, каким бывает у людей, которые пьют его чтобы думать, а не чтобы наслаждаться.

— Нулевой, — сказала она, уводя разговор. — Веррис написал, что тот знает про Осколочных больше, чем он. Ты что-нибудь знаешь?

Джейра смотрела на неё ещё секунду, давая понять, что манёвр замечен, потом перевела взгляд на Кэйна.

— Нулевой, — повторила она. — Значит, Веррис всё-таки докопался.

— Ты знаешь это имя, — сказал Кэйн.

— Я знаю это обозначение. — Джейра встала, подошла к стене, нашла нужный листок, быстро, без поиска, память на собственный архив абсолютная. Сняла, положила на стол. — Три года назад, когда я уходила из Дома, я забрала кое-что. Не документы, документы они отслеживают. Только то, что было у меня в голове. — Она указала на листок. — Это я записала по памяти в первую неделю. Внутренняя структура Дома Надзора, верхний уровень.

Рейн смотрела на схему. Иерархия — несколько уровней, имена и обозначения. Верхний уровень был покрашен, просто прямоугольник с вопросительным знаком.

— Ты не знала, кто наверху, — сказал Кэйн.

— Никто не знал. На том уровне, где я работала — Третий административный — верхушка была просто *директорат*. Безликий, безымянный. Приказы приходили через посредников. Я никогда не видела живого человека оттуда. Пауза. — Но однажды — за два месяца до того, как я ушла, я видела документ. Не полностью, краем, случайно. На нём было обозначение: *Нулевой отдел. Исток*.

— Исток, — повторила Рейн.

— Именно. — Джейра вернулась на стул. — Я тогда не придавала этому веса, думала, архивное обозначение. Старый отдел, давно расформированный. Потом начала копать, осторожно, по чуть-чуть. И поняла, что *Нулевой отдел* не расформирован. Он просто не виден. Работает параллельно основной структуре Дома. Без отчётности, без регистрации, без следов в официальных архивах.

— Автономно, — сказал Кэйн.

— Полностью. — Джейра посмотрела на него. — Когда я поняла, что начинаю видеть слишком много, я ушла. По собственной инициативе, раньше, чем они успели заметить, что я вижу.

— Умно, — сказала Рейн.

— Необходимо, — поправила Джейра. — Умно было бы не начинать копать вообще. Она помолчала. — Нулевой отдел занимается Осколочными. Не регистрацией, не наблюдением — *сбором*. Они работают иначе, чем основной Дом. Тоньше. Дом использует патрули, регистрационные пункты, грубую силу. Нулевой отдел использует людей.

— Каких людей, — сказал Кэйн.

Джейра посмотрела на Рейн.

— Охотников, — сказала она.

Тишина.

Рейн поставила кружку на стол. Медленно. Голос ровный, когда она заговорила:

— Ты хочешь сказать, что Нулевой отдел использует независимых охотников как инструмент сбора.

— Я хочу сказать, — произнесла Джейра, — что контракты на Осколочных в последние два года приходят через каналы, которые невозможно отследить. Без герба. Без посредников. Серая бумага, чёрный воск просто вмятина от большого пальца.

Рейн не изменилась в лице.

Но внутри что-то стало очень холодным и очень чётким — как всегда бывало, когда несколько кусков информации одновременно вставали на свои места и картина, которая раньше была размытой, приобретала контуры.

Серая бумага. Чёрный воск. Вмятина от большого пальца.

Её контракт.

— И охотники выполняют контракты, — сказала она.

— Охотники находят цели, — поправила Джейра. — Сдать успевают не всегда. Иногда цель уходит раньше. Иногда охотник меняет решение. — Она смотрела на Рейн прямо, без обвинения. — Но Нулевой отдел всё равно получает то, что хочет. Потому что охотник с Печатью восприятия — это живой маяк. Находит цель и передаёт местоположение самым фактом присутствия рядом.

— Как, — сказала Рейн.

— Резонанс, — ответила Джейра. — Когда два Осколочных оказываются достаточно близко — Нулевой отдел это чувствует. У них есть свои носители. Настроенные на резонанс Первых Восьми как на сигнал.

Молчание растянулось.

Кэйн сидел неподвижно. Рейн не смотрела на него — смотрела на схему на столе, на закрашенный прямоугольник с вопросительным знаком.

— Значит, — сказал он наконец, тихо, — когда Рейн нашла меня.

— Нулевой отдел получил сигнал, — закончила Джейра. — Да. Скорее всего — сразу.

— Они уже знают, где мы, — сказала Рейн.

— Они знали вчера. — Джейра была спокойна — спокойствием человека, который давно живёт с неприятными знаниями и научился с ними существовать. — Двое в переулке у книжной лавки — это не Дом. Это были люди Нулевого отдела.

— Ты знала, что они там будут, — сказал Кэйн.

— Я знала, что они следят за лавкой Верриса. Я не знала, что вы туда пойдёте — и не могла предупредить. — Я слежу за их активностью в Третьем и Четвёртом Поясе уже год. У меня есть несколько точек наблюдения. Двое в переулке появились утром того же дня, что вы пришли к лавке.

— То есть они опередили нас, — сказал Кэйн.

— Они опередили Верриса. А Веррис ушёл раньше, чем они успели его взять. — Что-то в её голосе стало чуть тише. — Старый был умный.

— Был, — сказал Кэйн.

— Был, — согласилась Джейра.

Рейн встала. Подошла к окну. Привычка, дать голове пространство, пока тело занято простым движением. Третий Пояс внизу — тихий, ухоженный, утренний. Никого подозрительного у входа. Позвоночник чист.

Она думала.

Нулевой отдел знал о ней, или знал о контракте, что равнозначно. Контракт был от них. Они использовали её как маяк, как Кэйн и сказал с самого начала. Но теперь она знала больше: они использовали её не просто чтобы найти его. Они использовали резонанс двух Осколочных как сигнал, чтобы засечь сразу обоих.

Двух из восьми в одной точке.

И она уже думала: сколько из тех двоих Осколочных, которых Дом взял два месяца назад нашли таким же способом.

— Рейн, — сказал Кэйн за её спиной.

— Думаю, — сказала она.

— Я знаю.

— Молчи пока.

Он замолчал.

Джейра смотрела на неё от стола — изучающе, без спешки.

— Ты не знала, что контракт от них, — сказала Джейра.

— Нет.

— Но теперь знаешь.

— Теперь знаю.

— И что ты с этим сделаешь?

Рейн обернулась.

— То, что делаю с любым контрактом, который оказывается сомнительным, — сказала она. — Закрою. По своим условиям.

Джейра смотрела на неё ещё секунду. Потом кивнула — коротко, без тепла, но с чем-то, что было похоже на пересмотр.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда слушайте дальше.

Джейра говорила ещё час.

Рейн слушала, запоминала, иногда задавала вопросы, короткие, точные. Кэйн слушал молча, только однажды уточнил деталь. Они работали хорошо вместе в этом формате. Она это заметила и убрала в часть головы, где хранились вещи, которые нужно обдумать позже.

Джейра знала следующее: за последние три месяца Нулевой отдел активизировался. Больше людей, больше точек наблюдения, больше контрактов через серые каналы. Это совпало с тем, что двое Осколочных были взяты. Что-то изменилось в их стратегии, раньше они действовали медленно, методично, почти незаметно. Теперь быстрее. Как будто появились временные рамки.

— Они торопятся, — сказал Кэйн.

— Да. Я не знаю почему. — Джейра подлила чай в кружки второй раз, не спрашивая. — Но торопливость делает их заметнее. Это плохо для вас и хорошо для меня.

— Потому что заметный враг оставляет следы, — сказала Рейн.

— Именно. — Джейра указала на стену. — Вот эти точки — места, где я фиксировала активность Нулевого отдела за последние полгода. Семь красных отметин на карте Поясов. Три из них — места, где были взяты Осколочные.

— Остальные четыре, где они ищут следующих, — сказал Кэйн.

— Предположительно.

Рейн смотрела на карту. Семь точек. Она знала, где были пять из восьми Осколочных по карте Верриса, которую Кэйн носил в кармане. Три точки Джейры совпадали с местами падения фрагментов.

— Они ищут по местам падения, — сказала она.

— Или ищут носителей, которые живут рядом с местами падения, — поправил Кэйн. — Осколочные часто возвращаются к своему исходному месту. Инстинктивно. Я сам делал это несколько раз, не понимая зачем.

Рейн смотрела на карту. Не на точки активности Нулевого отдела, на другое. На место над Шестым Поясом, нижний квартал, которого на этой карте не было, но которое она видела вчера ночью так ясно, как будто смотрела на него до сих пор.

Детский дом. Ворота. Два-три года.

Инстинктивно возвращаются к своему исходному месту.

Она никогда не возвращалась на Шестой Пояс. После того как ушла в шестнадцать — ни разу. Она думала, что это потому что там нечего было делать. Теперь думала, что, возможно, это было единственным правильным инстинктом, который у неё был, только она не понимала, от чего именно уходила.

— Джейра, — сказала она. — Шестой Пояс. Нижний квартал. Есть у тебя что-нибудь? Джейра посмотрела на неё внимательнее.

— Есть, — сказала она медленно. — Одна из семи точек там.

Рейн не изменилась в лице.

— Давно?

— Месяц назад. Один раз, человек, которого я не опознала. Больше не появлялся. Я пометила как разовое, не хватало данных для вывода. — Почему ты спрашиваешь про Шестой?

— Информация, — сказала Рейн. — Стараюсь закрыть все пробелы.

Джейра смотрела на неё долго. Потом перевела взгляд на Кэйна.

— Она всегда так отвечает?

— В основном, — сказал он.

— И ты с этим живёшь?

— Учусь.

Рейн посмотрела на него быстро, сбоку. Он не смотрел на неё. Но в профиль она видела что-то живое у края рта, то самое, что не было улыбкой, но было близко.

— Ещё кое-что, — сказала Джейра. Она встала, снова к стене, нашла другой листок. — Это не про Нулевой отдел. Это про Меченых, которых вы ищете. Остальных шестерых.

— Ты знаешь, где они? — спросил Кэйн.

— Я знаю, где трое из них были месяц назад. Это максимум, что у меня есть. — Она положила листок на стол. — Имена, последние известные места. Дальше ваша работа.

Кэйн взял листок. Читал молча. Рейн смотрела через его плечо — три строки, три имени, три города. Один — Второй Пояс. Два — за пределами городских Поясов, в приграничных территориях.

— Это далеко, — сказал Кэйн.

— Далеко, — согласилась Джейра. — Нулевой отдел пока не добрался туда или не дошёл до них. Время у вас есть. Немного.

— Сколько? — спросила Рейн.

— По темпу активизации, недели три, может четыре. Потом они сменят стратегию снова, и я не смогу предсказать маршрут.

Три-четыре недели. Рейн считала в голове: три локации, расстояния, маршруты, риски на каждом участке. Это было выполнимо, сложно, с потерями времени, с риском, который она ещё не умела полностью оценить. Но выполнимо.

— Джейра, — сказала она. — Ты сказала, что Нулевой отдел использует охотников. Меченых или обычных?

— Обычных в основном. Меченых-охотников редко. Слишком непредсказуемы. Пауза. — Хотя в последний год появились двое, которые работают на них постоянно. Меченые, сильные, я не знаю их имён. Только обозначения. Первый и Второй. Не путать с Осколочными.

— Это их агенты.

— Это их оружие, — поправила Джейра. — Первый и Второй появляются там, где обычные методы не сработали. После них проблем не остаётся. — Она помолчала. — Меченый из подвала регистрационного пункта, которого ты вытащил два года назад, — она посмотрела на Кэйна, — видел Первого. Именно поэтому был в таком состоянии.

Молчание.

Кэйн смотрел на стол. Рейн — на него.

Она видела, как что-то изменилось в его лице, не страх, Кэйн не производил впечатления человека, который боится в общепринятом смысле. Что-то другое. Тяжелее страха. Что-то, что бывает, когда понимаешь, что ставки выросли в той части, которую ты не контролируешь.

— Первый и Второй, — повторил он. — Они работают вместе?

— Всегда парой. — Джейра собрала кружки. — Последний раз их видели в Четвёртом Поясе. Три дня назад.

— Три дня назад мы были в Четвёртом, — сказала Рейн.

— Я знаю.

Тишина была полной — без уличных звуков, без скрипа дерева. Как будто комната тоже слушала.

— Нам нужно уходить из Третьего, — сказал Кэйн.

— Сегодня, — согласилась Рейн. — К вечеру.

— К полудню, — поправил он. — Если Первый и Второй были в Четвёртом три дня назад — к полудню они могут быть здесь.

Рейн встала. Кэйн встал следом — одновременно, без сигнала, просто оба пришли к одному выводу в одно время. Джейра наблюдала за этим с тем выражением, которое Рейн уже видела раньше — пересмотр чего-то, что было решено раньше.

— Подождите, — сказала Джейра.

Они остановились.

Женщина подошла к стене, сняла ещё один листок, меньше остальных, сложенный вчетверо. Протянула Рейн.

— Это адрес. Второй Пояс, Восточный квартал. Женщина по имени Лисс. Держит аптеку, знает про Меченых больше, чем показывает. Она не продаёт информацию, но иногда помогает тем, кому доверяет. Пауза. — Скажи ей, что от меня. Только от меня — не упоминай Верриса, не упоминай Нулевой отдел. Просто скажи: *Джейра говорит, что пора*.

— Она поймёт? — спросила Рейн.

— Поймёт. Мы договорились об этой фразе три года назад, на случай если что-то сдвинется. — Джейра смотрела на неё прямо. — Кажется, сдвинулось.

Рейн взяла листок.

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодари. — Джейра вернулась к столу, к своим картам и спискам. — Просто не сдавай больше моих людей.

— Те трое три года назад, — сказала Рейн, — работали на человека, который торговал Мечеными детьми.

Джейра остановилась.

— Что?

— Контракт был чистый с виду. — Рейн держала голос ровным. — Когда я выяснила, на кого они работают, я их отпустила. А человека, который дал контракт, нашла сама. Отдельно. Без оплаты.

Долгое молчание.

Джейра смотрела на неё — по-настоящему смотрела, впервые за всё утро. Без оценки. Просто — смотрела.

— Этого я не знала, — сказала она наконец.

— Нет причин было говорить.

— Теперь есть. — Уходите. И будьте осторожны в Четвёртом, если пойдёте через него. Они вышли.

На улице Третьего Пояса было тихо и солнечно — неожиданно, первое солнце за несколько дней. Рейн шла быстро, Кэйн рядом. Молчали квартал.

— Ты отпустила их, — сказал он.

— Да.

— И не сказала мне.

— Не было причины говорить.

— Теперь есть? — спросил он

Рейн посмотрела на него. Он смотрел прямо

— Есть, — сказала она. — Джейра нам помогла. Нужно было объяснить.

— Джейра нам помогла потому, что ты это объяснила, — согласился он. — Или потому что ты здесь и она видела достаточно, чтобы сменить мнение.

— Возможно, и то и другое.

Они свернули в переулок — короткий путь к ночлегу, проверенный утром. Позвоночник чист. Никаких сигналов.

— Первый и Второй, — сказала Рейн.

— Да.

— Ты знал о них.

— Слышал. Не знал деталей.

— Теперь знаешь.

— Это меняет расчёт по маршруту.

— Меняет, — согласилась она. — Нам нужен план до Второго Пояса, который не проходит через Четвёртый.

— Есть обходной путь — через Пятый на Западный тракт, потом на север. Длиннее на день, может полтора.

— Зато без Первого и Второго на маршруте.

— В теории.

— Практика всегда отличается, — сказала она его же словами.

Он посмотрел на неё — быстро, сбоку. И она снова увидела это: живое у края рта, почти улыбка, то что было лучше улыбки потому что было настоящим.

— Да, — сказал он. — Отличается.

Они вышли из переулочка на параллельную улицу. Солнце было низким, боковым, и тени от домов падали длинными полосами поперёк мостовой. Рейн шла по тени, привычка, меньше заметна. И думала о Шестом Поясе, о точке на карте Джейры, о человеке, которого никто не опознал месяц назад в нижнем квартале.

Кто-то уже искал там.

Значит, кто-то уже знал или подозревал то, что она только начала понимать сама.

— Кэйн, — сказала она.

— Да.

— Карта Верриса. Шестой Пояс, нижний квартал. Когда мы дойдём до Второго — мне нужно сделать одну остановку.

Он не спрашивал зачем. Просто шёл рядом несколько секунд.

— Хорошо, — сказал он.

— Это личное.

— Я понял.

— Ты не спросишь.

— Нет.

Рейн посмотрела вперёд, на улицу, на солнце в конце переулочка, на Третий Пояс, который скоро останется позади.

— Пятое правило, — сказала она тихо. Не ему — просто вслух.

— Пятое правило, — согласился он так же тихо.

Они шли дальше, и тени были длинными, и позвоночник молчал, и где-то в Четвёртом Поясе. Или уже в Третьем, двое людей без имён двигались по их следу.

Времени было три недели. Может четыре.

Рейн думала, что трёх не будет.

Глава 6. Старые долги.

Они вышли из Третьего Пояса в полдень.

Кэйн выбрал маршрут через Западный рынок. Не потому что там было безопаснее, потому что там было шумнее. Толпа работала как помеха для чужого восприятия: слишком много людей, слишком много движения, слишком много фоновых сигналов, чтобы выделить двоих конкретных. Рейн оценила логику и не стала спорить.

Западный рынок Третьего Пояса торговал не едой и тканями. Здесь торговали информацией, связями, услугами без вывески. Люди стояли у стен с видом праздного ожидания, и каждый второй этот вид изображал профессионально. Рейн знала это место. Бывала здесь трижды, по разным контрактам.

В третий раз её здесь видел человек, которого она предпочла бы не встречать снова.

Она почувствовала его взгляд раньше, чем увидела. Не Печатью, просто кожей. Тем специфическим ощущением, которое тело запоминает после определённых встреч: когда кто-то смотрит на тебя не как на случайного прохожего, а как на что-то, что ему принадлежит или должно принадлежать.

Рейн замедлила шаг. Остановилась у лотка со специями, сделала вид, что выбирает.

— Слева, — сказала она тихо. — У колонны. Светлые волосы, серая куртка.

Кэйн не повернулся. Взял с лотка что-то, повертел в руках.

— Вижу, — сказал он. — Кто?

— Его зовут Тавр. Или называл себя так, настоящего имени я не знаю. Два года назад мы работали вместе. Один контракт, один раз.

— И?

— Я ушла с работы раньше, чем мы договорились. Забрала свою часть, оставила его заканчивать одного.

— Почему?

Рейн положила обратно специю, которую держала в руках.

— Потому что выяснилось, что вторая часть контракта мне не нравится.

— Он обиделся?

— Он потерял деньги и чуть не потерял два пальца. — Она наконец посмотрела в сторону колонны, коротко, профессионально, с видом человека, который просто осматривает рынок. Тавр стоял там же. Смотрел на неё. — Он меня заметил раньше, чем я его.

— Это проблема?

— Зависит от того, насколько он злопамятен.

— Судя по тому, как он стоит, — сказал Кэйн, — достаточно злопамятен.

Рейн вздохнула внутренне. Снаружи ничего не изменилось.

— Идём, — сказала она. — Не спеша.

Они двинулись дальше. Рейн спиной чувствовала движение у колонны: Тавр шёл следом, расстояние метров двадцать. Не нападает сразу. Значит, хочет поговорить. Или хочет выбрать место получше.

— Нам нужно выйти до того, как он выберет место, — сказала она.

— Через тот проход, — сказал Кэйн, — выход на Южную улицу. Оттуда на Западный тракт напрямую, без возврата через Третий.

— Знаю этот проход. Там узко.

— Именно поэтому.

Она поняла логику. Узкий проход — один человек не разойдётся с двумя. Тавр либо отстанет, либо войдёт следом, а в узком пространстве двое всегда имеют преимущество перед одним.

Они свернули к проходу.

Тавр ускорился.

Рейн поняла это по изменению фонового шума рынка — шаги, которые становятся быстрее, имеют свой звук, и она научилась его слышать раньше, чем видеть. Они вошли в проход: тёмный, пахнущий сыростью и чужой кухней, стены в полуметре с каждой стороны.

— Рейн.

Голос за спиной. Тавр догнал у входа в проход и остановился там, не заходя.

Умно. Она оценила.

Рейн обернулась.

При дневном свете, который бил ему в спину из проёма, Тавр выглядел примерно так, как она его помнила: высокий, светловолосый, с лицом человека, привыкшего к тому, что дела идут его путём. Два года добавили ему несколько новых линий у глаз и что-то жёсткое у рта, чего раньше не было. Взгляд настороженный, но не злой. Это было неожиданно.

— Тавр, — сказала она.

— Два года, — сказал он. — Ты хорошо выглядишь.

— Ты тоже.

— Один из пальцев до сих пор не гнётся правильно. На правой руке. Это неудобно.

— Сожалею.

— Нет, не сожалеешь. — Он смотрел на неё без улыбки. — Но это ладно. Я не за этим. — Его взгляд сдвинулся на Кэйна: оценивающий, быстрый, профессиональный. — Это тот, за кем охотится пол-Пояса.

— Это мой партнёр, — сказала Рейн.

— Интересно. — Тавр снова посмотрел на неё. — Я слышал, что контракт на него пришёл через серые каналы. Серая бумага, чёрный воск.

— Откуда ты знаешь про серую бумагу.

— Потому что я тоже получил такой конверт.

Тишина в проходе стала плотной.

Рейн не двигалась. Кэйн рядом тоже замер.

— Когда? — спросила она.

— Три дня назад. — Тавр достал из куртки конверт: точно такой же, серая бумага, чёрный воск, вмятина вместо герба. — Я его не открывал.

— Почему?

— Потому что за день до этого видел, как забирают человека, который открыл такой же. Двое. Меченые, судя по всему. Быстро, чисто, без шума.

— Первый и Второй, — сказал Кэйн тихо.

Тавр посмотрел на него.

— Ты знаешь, кто они?

— Знаю, как их называют.

— Тогда ты понимаешь, почему я не открывал конверт. — Тавр перевёл взгляд на Рейн. — Я искал тебя не потому что хочу свести счёты. Два года — достаточный срок, чтобы понять, что то задание стоило того, чтобы с него уйти. Я просто не понял этого вовремя. Я ищу тебя потому что ты единственный охотник в трёх Поясах, которому пришёл такой же конверт и который ходит по рынку без страха. Это значит, что ты знаешь что-то, чего я не знаю.

Рейн смотрела на него.

Она умела читать людей. Тавр сейчас не врал. Он был напуган, не открыто, не по-детски, а тем специфическим страхом взрослого человека, который понял, что вступил во что-то значительно большее, чем рассчитывал.

— Ты Меченый? — спросила она.

— Нет.

— Тогда отдай конверт. И уходи из Третьего Пояса. Сегодня, не завтра.

— И всё?

— И не берись больше за контракты без герба, — добавил Кэйн. — Ни за какие. Даже если сумма выглядит разумной.

Тавр смотрел на него. Потом на Рейн.

— Это настолько серьёзно.

— Это настолько серьёзно, — подтвердила она.

Он протянул конверт. Она взяла — лёгкий, почти пустой на ощупь. Убрала в куртку, не открывая.

— Куда мне идти, — сказал Тавр. Не вопрос — просто слова вслух, как будто он думал.

— Куда угодно, где нет патрулей Дома Надзора и серых конвертов. Седьмой Пояс, если хочешь исчезнуть. Внешние территории, если хочешь совсем.

— Внешние территории, — повторил он медленно.

— У тебя есть деньги?

— Немного.

— Хватит на дорогу. — Она смотрела на него. — Тавр. Один из пальцев — это моя ошибка. Не потому что я ушла с задания, а потому что не объяснила почему. Нужно было объяснить.

Он смотрел на неё долго.

— Объяснила бы сейчас. Раз уж.

— Человек, который дал нам тот контракт, собирал Меченых детей, — сказала она просто. — Когда я это выяснила — ушла.

Молчание.

Тавр опустил взгляд на свою правую руку. На палец, который не гнулся правильно.

— Я не знал, — сказал он.

— Знаю.

— Я бы тоже ушёл.

— Знаю, — повторила она. — Поэтому говорю сейчас.

Он кивнул — коротко, без слов. Потом посмотрел ещё раз на Кэйна, на неё, на переулок за их спинами. Что-то решил.

— Удачи, — сказал он.

— И тебе.

Он ушёл.

Рейн смотрела ему вслед несколько секунд, потом обернулась. Кэйн стоял и смотрел на неё с тем выражением, которое она начинала узнавать: внимательное, без вопросов, но с чем-то живым под поверхностью.

— Что, — сказала она.

— Ничего, — сказал он.

— Ты смотришь.

— Я всегда смотрю.

Это была правда, и она это знала, и почему-то прямо сейчас это было сложнее игнорировать, чем обычно. Может быть потому, что они стояли в узком проходе и расстояние между ними было меньше, чем она привыкла держать. Может быть, по другой причине, которую она предпочитала не формулировать.

Она открыла рот, чтобы ответить и почувствовала это.

Резко, без предупреждения: сигнал вдоль позвоночника. Не фоновый, не слабый. Сильный, направленный, с характером, который она умела различать. Меченый, использующий силу активно, прямо сейчас, недалеко.

— Стоп, — сказала она.

Кэйн замер.

— Меченый. — Она закрыла глаза на секунду, определяя направление. — Сильный. Активное использование. Пауза. — Два источника.

— Где?

— Рынок. Западная сторона — там, откуда мы пришли.

— Первый и Второй, — сказал он тихо.

— Не знаю. Не чувствовала их раньше, не с чем сравнивать. Но активное использование на рынке — это не регистрация и не случайность.

Кэйн посмотрел назад — на проход, на проём, через который был виден краешек рынка.

— Тавр, — сказал он.

Рейн уже двигалась.

Они выбежали из прохода с западной стороны — там, где стояла колонна, где Тавр ждал их раньше. Рынок был другим теперь: толпа сместилась, образовала пустое пространство в центре, как вода вокруг камня. Люди отступали молча, быстро, с видом горожан, которые знают — что бы ни происходило в этом пятне пустоты, лучше быть подальше.

В центре пустоты стояли трое.

Тавр спиной к Рейн, лицом к двоим незнакомцам. Незнакомцы были похожи не внешне, а манерой стоять. Спокойные, как люди, которым не нужно торопиться. Один невысокий, тёмный, с Печатью, которая светилась у горла слабой пульсацией. Второй — выше, светлее, без видимого свечения, но сигнал от него шёл такой силы, что Рейн почувствовала его как давление на рёбра.

Горло значило голос как оружие.

— Это они, — сказала она.

— Да, — сказал Кэйн рядом.

Тавр обернулся на звук их шагов. Лицо ровное — профессионал, держится — но она видела напряжение по линии плеч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.